

— Не знаю, милая... Не все, конечно, но..

— То есть ты думаешь, что и салат au sucre может быть с паприкой?

— Не знаю, милая... Не все, конечно, но...

— То есть ты думаешь, что и салат может быть с паприкой?

— Ах, Бог мой! Гениальный человек Вертинский! "Из-за маленькой, злой и хорошенькой женщины погибаю в шести зеркалах..."

— Не смей повторять эти дурацкие стишки! И там сказано ограниченной, а не хорошенькой.

— Ну, а я хочу говорить хорошенькой... И знаешь что? Переберемся все-таки к Прюнье, благо близко. Там и народу хоть отбавляй, чтобы полюбоваться твоей шубой, и что-нибудь выбрать гораздо легче...

Усмехаясь, берет муфточку и встает:

— Ты очень глупый. Ну, идем...

Гарсоны переглядываются, выпячивая нижние губы.

ДАЛЕКИЙ ПОЖАР

Их первое лето вместе. Степной хутор. Поздно после ужина сидят в темноте на ступеньках крыльца. Темный дом, темная, теплая ночь конца лета. И далекий пожар за темной степью, на далеком краю ее черноты: невысокая, зубчатая гряда красного пламени. Горит уже давно, однообразно. Иногда видно, как по пламени проходят тени дыма. Усыпляющий звон ночных степных насекомых, покой земли, неба — и спокойная грусть непонятности всего.

Он пристально глядит вдаль, на пожар на горизонте, обняв ее молодое плечо:

— Ты меня еще любишь?

Она, глядя туда же:

— Люблю, милый. И все пройдет! Все пройдет: и моя любовь, и этот пожар, и эта прекрасная и оттого такая печальная ночь.¹